

ПОЭТ

ТРЁХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Абузар БАГИРОВ,

*писатель, доктор филологии, доцент
Университета МГИМО МИД РФ*

Поэтов и правителей издревле связывал один высший идеал: служение своему народу. Но служили они по-разному. Поэты, отбирая типичные факты из народной жизни, на их основе в образной форме представляли прогрессивные, гуманистические идеи свободы - народную мечту о прекрасном будущем. При этом мастера слова всегда призывали правителей своего времени управлять по справедливости. В свою очередь, властители всех времён, как правило, служили своему народу по придуманным ими же самими правилам: всеми средствами старались расширить свои владения, приумножить своё богатство и могущество, возвеличивая себя в глазах народа, ради которого якобы всё это делалось. Но когда свершались великие судьбоносные дела, или во время значимых событий о справедливом правлении страной зачастую забывали. Такой диаметрально различный подход к служению народу порождает извечные конфликты между поэтами и правителями. В истории немало примеров, когда могущественные правители прославлялись не только и не столько благодаря своему полководческому дару или искусству управления государством, а в силу того, что им привелось быть современниками гениального поэта.

Среди азербайджанских поэтов XV века, творивших на родном тюркском языке, наибольшее внимание привлекает Нематулла Дилмагани Кишвери, родившийся в 1445 году в городке Дилмагане близ Тебриза. Имя Нематулла по-арабски означает «богатство Всевышнего», псевдоним

Кишвери по-персидски – «любящий Родину». Кишвери был высокообразованным человеком, наряду со светскими науками знал теологию, в совершенстве владел арабским и персидским языками.

Поначалу Кишвери был близок ко двору **правителя династии Аггоюнлу султана Ягуба (1478-1490)** в Тебризе. Султан Ягуб собрал в своём дворце многих учёных и поэтов, создал им все условия для творчества. Но, несмотря на покровительство султана творческим людям, из-за мировоззренческих разногласий и деспотизма султана поэт недолго оставался при его дворе.

Кишвери был ярким **представителем хорасанской поэтической школы, которую в тот**

период возглавлял государственный деятель и великий поэт Алишер Навои (1441-1501), с которым тесно дружил, а после ухода из дворца султана Ягуба по приглашению своего друга переехал в Самарканд. Здесь поэт был близок ко двору **гератского правителя султана Гусейна Байкары (годы правления 1469-1506)**, который на закате своей славы написал дружеское послание сефевидскому шаху Исмаилу Хатаи и отправил ему в дар группу красивейших танцовщиц. Но шах Исмаил ответил по всем правилам шахской вежливости, указав, что у него нет времени на развлечения: «Я муж сражений и не нуждаюсь в таких «собеседницах». Мне надобно, не зная покоя, кружить на коне вокруг отечества моего».

Тесное общение в Самарканде с Навои духовно обогатило и вдохновило Кишвери. В 1490 году он вернулся в Тебриз, где и прожил до конца жизни (1525).

После падения государства Аггююну в 1501 году поэт сблизился с **основателем государства Сефевидов Исмаилом Хатаи (годы правления 1501-1524)**, который покровительствовал многим видным деятелям культуры своего времени. Этот период оставил нам имена мастеров стиха, писавших на тюркском языке, таких как ашуг Гурбани, Идаят, Хамиди, Кишвери, Хабиби, Халили, Басири, Хашими, Ровшани, Гюльшани, Шахи, Туфейли, Сурури и др.

Удивительно, что, прожив долгую жизнь и прослужив у трёх прославленных государей своего времени – султана Ягуба, Гусейна Байкары, Исмаила Хатаи, **Нематулла Дилмагани Кишвери не стал рядовым панегиристом, одописцем, восхваляющим своих повелителей, их военные походы, мирные труды, справедливость и щедрость. Далек он и от религиозного фанатизма.** Его поэзия отличается простотой языка, самобытностью, непосредственностью, жизнерадостностью и богатством изобразительных средств. Кишвери присуща удивительная способность при любых обстоятельствах сохранять внутреннюю свободу и духовную негибаемость. Этот духовный феномен прослеживается в большинстве произведений замечательного поэта.

К счастью, творческое **наследие великого Кишвери дошло до нас в целостности и сохранности.** Его изучением и изданием занимались

самые авторитетные азербайджанские учёные. В 1946 году **академик Гамид Араслы сообщил о Диване (сборник лирических стихов) Кишвери на тюркском языке**, переписанном в 1708 году, который и по сей день хранится в Институте рукописей им. Физули Национальной Академии наук Азербайджана. **Другая рукопись дивана Кишвери, хранящаяся в Ташкенте, в Фонде рукописей Института востоковедения Узбекистана, датируется 1781 годом.** Третий диван поэта на азербайджанском языке обнаружил в Тегеране в парламентской библиотеке **(Меджлисе-Шурайи-Милли) и получил копию азербайджанский исследователь Мухаммедали Гусейни**, ныне живущий в Берлине.

В 1984 году в Баку известным востоковедом, профессором Джахангиром Гахрамановым впервые были изданы произведения Кишвери на азербайджанском языке в полном объёме с обстоятельным предисловием, пояснительным словарём и обширными комментариями.

По сведениям средневековых источников, **Нематулла Кишвери был также прекрасным каллиграфом – переписчиком, писавшим почерком насталиг.** По сообщению известного иранского учёного Мехти Байани, в его коллекциях хранится несколько рукописей поэмы «Бустан» персидского поэта Саади, переписанных Кишвери. На одном из листов рукописи стоит личная печать предыдущего владельца рукописей, покойного южноазербайджанского

учёного-текстолога Гаджи Мирзы Джафара Султана Алгарани. В этой рукописи имеются 23 газели, которых нет в других трёх диванах поэта.

До нас дошёл также **диван Кишвери на персидском языке**. Более всестороннее и глубокое изучение и азербайджанских, и персидских стихов, и вновь обнаруженного тегеранского дивана Кишвери, и неисследованных средневековых источников, несомненно, принесло бы новые ценные сведения об этом замечательном поэте. Учитывая свежие факты, скрупулёзное исследование творческого наследия выдающегося азербайджанского поэта средневековья является одной из важных задач, стоящих перед современным азербайджанским литературоведением.

Одной из несомненных заслуг Кишвери как поэта является **творческое преломление художественного опыта и новаторского духа чагатайско-тюркского классика Алишера Навои в практике азербайджано-тюркского стиха XV века**. Кишвери часто вносил в лексическую ткань чагатайско-тюркскую струю, часто обращался к газелям и тахмисам (форма своеобразно рифмованных пятистиший), которыми широко пользовался Навои.

Поэзия Кишвери - один из ярчайших образцов азербайджано-тюркского стиха. **Он использовал основные жанры классической лирики – газели, рубаи, мухаммасы, мураббе, мустазады, тахмисы** и др., и в каждом случае ему удавалось проявить свой неповторимый почерк. Значительное место в его творческом наследии

занимают газели, источающие душевное тепло, волнующие искренностью чувства. Поэт писал и о земной красоте и о реальной любви, и о мистическо-таинственной, и о любви божественно-духовной. Эта двойственность – реально-земного чувства и божественно-мистической любви находит отражение в содержательной ткани его стиха. В произведениях Кишвери отчётливо прослеживаются и следы общественно-социальных событий, и личной судьбы; видны вехи его биографии, душевные привязанности и взаимоотношения. ❀

Литература

1. Ərəb və fars sözləri lüğəti. B.T.Abdullaev, Ə.Ə.Orucov, Y.Z.Şirvani, məsul redaktoru Y.Z.Şirvani. Bakı, 1967, 1036 s.
2. Kişvəri. Əsərləri (tərtib edən C.Qəhrəmanov). Bakı, 1984, 263 c.
3. С.М.Соловьёв. Публичные чтения о Петре Великом. Москва, 1984, 232 с.
4. Сабир Рустамханлы. Книга жизни. Баку, 1990, 384 с.
5. Рустамова А., Набиев Б., Караев Я. Азербайджанская литература (краткий очерк для азербайджанской диаспоры). Под ред. Б.Набиева и Т.Керимли. Баку, 2005, 453 с.
6. Райс Т.Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. Москва, 2004, 238 с.
7. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, altı cildə. Cild III. Bakı, 2009, 736 s.
8. Ценнее золота. Фольклор и литературные памятники Азербайджана (обзорная статья академика НАНА Б.А.Набиева, чл.-корр. НАНА Т.А.Керимли, составление, биографические справки и комментарии А.М.Багирова). Москва, 2010, 746 с.

The article summarizes the biography and work of the prominent Azerbaijani lyrical poet of the late 15th – early 16th centuries Neymatulla Kishvari. The author notes that Kishvari, one of the Turkic-speaking poets of the Middle Ages, was close to several prominent rulers of his time, but kept his personal and creative independence and did not turn into one of the court panegyrists. It also gives information about the study of Kishvari's heritage that reached us almost in full.

ГАЗЕЛИ

ЭТО – Я

Кто милой душу отдаёт в самозабвенье – это я.
Тот, кто в мучительстве живёт без исцеленья – это я.

Кто на Меджнуна стал похож, в тебя влюблённый,
как в Лейли,
Теряя голову свою, не ждёт спасенья – это я.

Кто, уподобясь мотыльку, сгорает в пламени
разлук,
Уже не видя пред собой свечи горенья? Это – я.

С тех пор, как сердце приковал к цепям смутительных
кудрей,
Тот, кто в безбожности отверг вероученья – это я.

Увы, не для меня расцвёл в Эдеме девственный
цветок,
Тот садовод, что не видал его цветенья – это я.

Тот хромоногий муравей, что к Сулейману не
приполз
И разуверился во всём в одно мгновенье, – это я.

Рабы пришли на твой порог, один из сотни
Кишвери, –
Раб, что султана не видал и в отдаленье – это я!

РОК НАДО МНОЮ ПОДШУТИЛ

Душой пожертвовать пришлось, но я назвал
тебя моей.
Не знал, что станешь ты бедой, злосчастьем
долгой жизни всей.

Мечтал, чтоб доброй ты была, бальзам на раны
пролила,
Не знал я, что в моей любви не будет
безмятежных дней.

Знай, без тебя, о мой цветок, осенний холод
сердце сжёт.
Напрасно я молил весну: «Дыханьем души обо-
грей!»

На исцеленье уповал, с надеждой робкою
взывал,
Я с каждым днём любил тебя всё безнадежней
и верней.

Глаза, теперь стыжусь я вас, в ночи вы плачете
сейчас, –
Заря свиданья не взойдёт в горячем трепете
лучей.

Сто тысяч псов собрались тут, они добычу
стерегут,
И Кишвери один из псов, лежащих у твоих
дверей.

ТВОИ ГЛАЗА

Твои злорадствуют глаза, когда узрят людские
раны,
Как у грабителей степных при близком звоне
каравана.

А я, чтоб тонкий стан узреть, согласен в муках
умереть,
Ведь пёс сбесившийся отдаст жизнь за глоток
воды желанной.

Припоминаю кудри вновь, и в жилах леденеет
кровь,
Так путник ужасом объят, змею увидевший
нежданно.
Под раззолоченной фатой недобрый лик
таится твой –

Ребёнок увлечён игрой, не зная смысл её обманной.

Я, не предчувствуя беды, целую милых ног следы,
Они священной для меня короны шахской и Корана.

Чуть жёлтый плащ увижу твой, замру, охвачен немотой,
Так умолкает соловей осенним вечером туманным.

Знай, Кишвери отверг Эдем, он на земле доволен всем, –
Порог любимой - это рай, нездешним светом осиянный.

ТВОЙ ЛИК

Словно утренняя роза, лик твой розовый румян,
С прямоствольным кипарисом не сравнится стройный стан.

Мы шахиней дев прекрасных нарекли одну тебя,
Ты затмила всех красавиц сопредельных с нами стран.

Рок искал тебе подобных, но светильник погасил.
Не луна блистает в небе, – лик твой светом осиян.

Пусть ланиты заалеют от налитого вина,
Позавидует их цвету расцветающий тюльпан.

За блаженство поцелуя я пожертвую душой,
На беду иль на отраду я любимой в жертву дан.

Стережёт ворота рая верный пёс твой Кишвери,
Он к порогу припадает, тайной страстью обуян.

ТРУДНО ЖИТЬ

Я с возлюбленной расстался, без желанной трудно жить.
Без друзей, кто нас жалеет неустанно, трудно жить.

Вдалеке от тёмноокой я живу в тоске глубокой.
На чужбине одинок я, чужестранным трудно жить.

Я готов терпеть укору, выносить покорно ссоры,
Без возлюбленной прелестной, тонкостанной трудно жить.

В розу я влюблён в расцвете, выше счастья нет на свете,
Скрытый шип наносит раны, но без раны трудно жить.

Кишвери все укоряют, что он трезвым не бывает,

Тот, кто трезв в питейном доме, тем средь пьяных трудно жить.

ОНА КРАСИВА

Румяны щёки у неё и говорит она красиво,
И тонкостанна, и пряма, и благородна, и
учтива.

Источник Хызра нежный рот, на щёчке
родинка цветёт,
И кудри, словно гиацинт, и взор – то нежный,
то стыдливый.

О боже мой, как хороша, как роза майская
свежа, –
Глаза – нарциссы у неё и сложена она на диво.

На что, отвестуй, о творец, богатство, цар-
ственный венец?

Моё сокровище любовь – её высокие порывы.
Прекрасно солнце, говорят, но в зной лучи его
палят, –
Оно при виде красоты за тучу спряталось рев-
ниво.
Напрасно мне твердит народ: «Жди от любви
одних невзгод, –

Твоя возлюбленная, знай, и лицемерна и гнев-
лива».

Но пред глазами Кишвери ланиты – розовость зари,
Он воспеваает красоту, и благодарный, и счаст-
ливый.

САД ЛЮБВИ

Пришла весна, и сад любви расцвёл ещё пыш-
ней,
Уста прильнули вновь к устам и к розе соловей.

Друг кравчий, чашу поднеси, настал желанный
час,
Кто знает, сколько нам ещё прожить осталось
дней.

О боже, совершенный лик ты даровал луне, –
Она как ангел хороша и гурии нежней.
Кашмирок чёрные глаза мне горе принесли –
Скитаться должен я вдали от родины моей.

Я достояния лишён, – ограбили меня,
Поработительницей злой закован без цепей.

Кровь сердца бросилась в лицо страдальцу
Кишвери
И почернел он и ослеп от родинки твоей.

РУБАИ

Аллаха славил я за то, что юность, день за днём,
С любимой вместе проводил за дружеским столом.
Возьми себе и райский сад, и мёд, и виноград,
Оставь возлюбленную мне, подай кувшин с вином.

Вновь на чужбине я, увы, знакомых нет вокруг.
Нет рядом друга, нет врача, целящего недуг.
Приюта нет, где путник смог укрыться от тревог.
Надежды на свиданье нет, терпенья нет, мой друг.

Твой лик – раскрывшийся цветок. Приди, о черноокая,
Речь – животворный родничок, приди, о черноокая,
Утешь печальных глаз зрачок, приди, о черноокая.
На миг явись, я изнемог, приди, о черноокая.

С любимым народом вместе я в распре и в игре,
Злодейство я предотвращал, не мыслил о добре.
И правоверного раба ты можешь лицезреть –
В мечети тело у меня, душа в монастыре.
Я болен, и подруга мне достойная нужна.
Та, что была бы весела, отзывчива, верна.
Когда пируем мы, тогда друзей вокруг полно,
Но утешает в скорби нас любимая одна.

МУХАММАС**НЕ НАШЁЛ**

От души я отказался, но спасенья не нашёл.
Ту, что ярче юной розы в день весенний не нашёл.
Я состарился в разлуке, утоленья не нашёл, –
Полюбил я безответно, утешенья не нашёл.
Я пожертвовал собою, но забвенья не нашёл.

Став скитальцем одержимым, по дорогам я блуждал,
Но владык мягкосердечных я нигде не повстречал.
Я с возлюбленной расстался и отчизну потерял,
Утешенья не нашёл.

Утешителя не видел, чтобы горе врачевал.
Боль сердечную обрёл я, излеченья не нашёл.

Этой ночью я не знаю, где любимая была, –
Но глаза хмельными стали, и сама она цвела.
У меня забилось сердце, ослепила очи мгла,
Ты мишенью для насмешек сделать боль мою смогла, –
Насмерть грудь мою пронзила, – а раненья не нашёл.

Мой цветок, я в разлученье кровью собственной сожжён.
Стал черней тычинок мака, я клеймом тоски клеймён.
Лик мой стал желтей шафрана, – он слезами окроплён,
В сердце шип вонзила роза, – я копьём любви пронзён.
В цветниках любви доныне я цветенья не нашёл.

Я не слушался советов, наставленьям не внимал, –
«Умирай!» – мне приказала, – бездыханным я упал.
Усмехнувшись, прошептала: «Сам он этого желал!» –
Я шахине беспощадней и прекрасней не встречал,
Всё стерпел – ни в ком такого я смиренья не нашёл.

В размышлении печальном продолжаю свой рассказ,
Пусть все знают, что со мною жизнь жестоко обошлась, –
Я Меджнуном стал в разлуке, кровь течёт из скорбных глаз.
О деяниях Фархада мне читать пришлось не раз,
Описания такого злочюченья не нашёл.

Как Юсуф она прекрасна, плащ её алей зари,
Но в обители печали изнывает Кишвери,
Упрекай меня, измучай, но улыбкой озари.
Навои, шахини норов, если сможешь, умири!
От любовного терзанья исцеленья не нашёл.

Перевод Татьяны Стрешневой